

DOI: 10.31857/S086919080019143-4

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО В ПАКИСТАНЕ.
ДИНАМИКА ЭВОЛЮЦИИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

© 2022

В.Я. БЕЛОКРЕНИЦКИЙ^a^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8471-928X; enitsky@yandex.ru

Резюме: В статье рассмотрены вопросы эволюции и взаимодействия государства и общества в Пакистане на протяжении 75-летней истории. (1947–2022). Автор выделяет несколько крупных этапов, которые отличаются различным соотношением между государством и обществом (как политически организованным, так и массовым, неформальным). В статье сжато характеризуются особенности каждого из выделенных этапов и эпизоды (фрагменты), на которые они распадаются. Хотя государство претерпевает определенную эволюцию, перемены кардинально не меняют его характера. Оно отличается растущей коррумпированностью и низкой эффективностью с экономической и социальной точек зрения. Одновременно неуклонно возрастает зависимость Пакистана от внешних источников финансового и технического содействия. Эволюция общества происходит еще медленнее, не меняя традиционного для стран Востока отсутствия личных свобод, а также приниженного положения женщин и представителей этнических и конфессиональных меньшинств.

В статье подчеркивается, что пакистанское государство в силу внутренних и внешних причин подверглось значительной милитаризации, а общество – сильной исламизации. И то, и другое является источником серьезных проблем, разъедающих общественно-политический организм и ставящих под вопрос дальнейшую судьбу страны.

Ключевые слова: эволюция государства, взаимодействие с обществом, политическое общество, Пакистан.

Для цитирования: Белокреницкий В.Я. Государство и общество в Пакистане. Динамика эволюции и взаимодействия. *Восток (Oriens)*. 2022. № 2. С. 152–164. DOI: 10.31857/S086919080019143-4

STATE AND SOCIETY IN PAKISTAN.
DYNAMICS OF EVOLUTION AND INTERACTION

© 2022

Vyacheslav Y. BELOKRENITSKY^a^a – Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8471-928X; enitsky@yandex.ru

Abstract: The article deals with the evolution and interaction of the state and society in Pakistan over the 75-year history (1947–2022). The author identifies several major stages that differ in the relationship between the state and society (politically organized as well as mass, informal). The article succinctly characterizes the features of each of the revealed stages and episodes (fragments) into which they are divided. In 1971 ended the first long stage of existence

of the country consisting of two separate territories – West and East Pakistan. The split of the state and the formation of the territorially new one had various repercussions reflected in the consequent evolution of both the state and society. Although the state has undergone a certain evolution, this has not essentially changed its character. The state is characterized by growing corruption and low efficiency from the economic and social points of view.

At the same time, Pakistan's dependence on external sources of financial and technical assistance has been steadily increasing. The evolution of society was even slower than of the state, and it had not changed the traditional lack of personal liberty, which is a characteristic feature of Oriental societies, as well as humility of the status of women and members of ethnic and religious minorities.

The article emphasizes that the Pakistani state due to internal and external reasons has undergone significant militarization, while the society got strongly islamized. Nevertheless, the state remained weak in many respects and the society insufficiently integrated. These are symptoms of serious problems pertaining to the future fate of the country.

Keywords: evolution of the state, interaction with society, political society, Pakistan.

For citation: Belokrenitsky V.Y. State and Society in Pakistan. Dynamics of Evolution and Interaction. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 2. Pp. 152–164. DOI: 10.31857/S086919080019143-4

Идея статьи возникла после ознакомления с книгой известных западных авторов Д. Аджемоглу и Дж.А. Робинсона «Узкий коридор. Государства, общества и судьба свободы» (см: [Белокреницкий, 2021]). Поставленная авторами книги в центр внимания дихотомия государства и общества позволяет под новым углом зрения взглянуть на современную историю стран Востока, в том числе Пакистана, путь которого за прошедшие с момента создания три четверти века был крутым и извилистым. Новизна такого угла зрения, безусловно, относительна. Проблематика государства и общества, формирования наций и создания социально-политических институтов, как и вся институциональная тематика, хорошо известны и не раз применялись при раскрытии тех или иных сторон эволюции стран Азии и Африки.

В то же время основной для упомянутой выше книги концепт авторов о судьбе свободы, на наш взгляд, не вполне релевантен по отношению к странам Востока (и в целом Не-Запада). Для них, как представляется, характерны другой, отличающийся от западных образцов тип личности и другая модель взаимодействия государства и общества. В основе различий лежит принципиально иная историко-цивилизационная канва, позволяющая отрицать универсальность категории «нация-государство» и говорить о восточных (незападных) «государствах-цивилизациях» [Наумкин, 2020].

Базовые культурно-цивилизационные отличия Востока и Запада уходят корнями в структуру семьи и семейно-клановых отношений, а также родственных и соседских общин. При этом, как показал это в нашей научной литературе наиболее полно и последовательно Л.С. Васильев, восточный тип ближе к исходному, первоначальному для человеческого рода, а западный можно рассматривать как отклонение, некую социальную мутацию [Васильев, 2007, с. 414–415; 2012].

СЛАБОЕ ГОСУДАРСТВО И РАЗДВОЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Пакистан возник как доминион в составе Британского Содружества наций в августе 1947 г. Этому предшествовала длительная борьба за освобождение Индии от колониального господства и образование в национально-освободительном движении особого мусульман-

ского течения. Результатом успеха того и другого был отказ англичан от правления Индией и раскол страны на доминионы Индию и Пакистан.

Первый из образованных доминионов разрезал бывшую колониальную империю на две части, западную и восточную. Созданное, что называется, «из ничего», пакистанское государство на первых порах боролось за упрочение своего международного статуса и решение проблем, связанных с «бракоразводным процессом». Причем, если на востоке серьезных коллизий с Индией не возникло, то на западе они обозначились с самого начала. Спор возник о принадлежности наиболее крупного по территории княжества (полунезависимого владения) Джамму и Кашмир, расположенного на севере ромбовидного субконтинента.

В отличие от индийского доминиона, унаследовавшего всю бюрократическую инфраструктуру бывшей колонии, Пакистан не имел почти никаких заделов. Центр власти прочно обосновался в западной части страны, а большинство населения проживало в восточной. Только в 1956 г. вторым Учредительным собранием была принята конституция Исламской Республики Пакистана и прекратилась формальная зависимость государства от Великобритании¹. Принятию конституции предшествовала уступка центра в вопросе о предоставлении языку восточного «крыла» (бенгальскому) статуса государственного и ответное согласие политической элиты востока страны на равное с ее западом представительство в парламенте.

Основной закон не помог, однако, разрешить конфликт интересов, назревавший между двумя частями Пакистана. Внутриполитический кризис вступил в новую фазу обострения и завершился военным переворотом осени 1958 г.

Общество, на фундаменте которого сложился Пакистан, было не только многосоставным, распадаясь на этнолингвистические области, но и деформированным из-за обмена населением между двумя доминионами. В западной части страны до раздела функционировали две имеющие выбранные легислатуры провинции – Синд, на юге, в области нижнего течения реки Инд; и вдоль границ с Афганистаном населенная в основном пуштунами Северо-Западная пограничная провинция. Место между ними заняла провинция Западный Панджаб, образованная из западных областей Панджаба колониальных времен.

В Западный Панджаб, а также в большие города Синда – Карачи и Хайдерабад – после раздела устремились потоки мусульман из Северной, Центральной и Западной Индии. Они получили в Пакистане название *мухаджир* как переселившиеся в религиозных целях². В противоположном направлении бежали индусы (индуисты) и сикхи, составлявшие основную массу средних слоев городского общества

Состав западнопакистанской элиты отличало преобладание крупных землевладельцев, проживавших в городах и управлявших своим хозяйством через посредников. Обработкой земли занимались зависимые от них крестьяне-арендаторы. Другую группу элиты составили торговцы и предприниматели, прибывшие в основном из соседней с Синдом провинции Гуджарат. Состоятельные гуджаратцы принадлежали, как правило, к мусульманским кастам шиитов-исмаилитов (ходжа и бохра), и к суннитской касте меманов [Левин, 1970, с. 17–44]. Они заняли преобладающие позиции в финансовой и торгово-промышленной сферах, что серьезно укрепило основы частного сектора в экономике и западной, и восточной части страны.

Не будем останавливаться на социальной ситуации в Восточной Бенгалии. Отметим, что вражды на межобщинной почве там практически не было, хотя социально-классовые различия имелись. Богатые помещики-индусы (*джомедары*) покинули страну, лишившись по

¹ При всей формальности такой зависимости стоит напомнить курьезный случай, когда в 1953 г. отстраненный от власти генерал-губернатором Г. Мухаммадом премьер Х. Назимуддин пытался дозвониться до английской королевы, надеясь, что она разрешит их конфликт [Talbot, 1998, p. 141–142].

² Первыми мухаджирами были последователи за Пророком Мухаммедом в Йатриб (Медину) жители Мекки.

закону 1950 г. традиционных прав и привилегий [*Пакистан*, 1966, с. 264–265]. Индусские бизнесмены в большинстве своем уехали в Западную Бенгалию после отказа Пакистана в 1949 г. девальвировать рупию вслед за Индией, что вызвало разрыв торгово-экономических связей между двумя государствами [Белокреницкий, Москаленко, 2008, с. 94–95].

ГОСУДАРСТВО ДОВЛЕЕТ НАД ОБЩЕСТВОМ

С рубежа 1940–1950-х гг. ряды пакистанской бюрократии пополняют руководители вооруженных сил. Усилению позиций военных способствовал вооруженный конфликт с Индией в Кашмире, известный как первая индо-пакистанская война 1947–1948 гг. Еще одним фактором изначально сильных позиций военных был выбор в пользу Пакистана, сделанный после раздела почти всеми офицерами-мусульманами колониальной армии. Первым пакистанцем, ставшим после британцев главнокомандующим армии, был генерал М. Айюб Хан. В условиях охватившего правящую бюрократию кризиса (после гибели в 1951 г. от рук маньяка премьер-министра Лиаката Али Хана) он занял влиятельное место в управляющей элите и лично сделал много для перевооружения армии, используя значительную финансовую и техническую помощь США [Cheema, 1990, p. 150, 229].

Встав во главе военного режима, Айюб Хан не только произвел себя в фельдмаршалы, но и привел во власть генералитет почти в полном его составе. Особенно велика была роль военной элиты в деле управления страной в первые годы после переворота.

Политическое общество, под которым мы понимаем руководителей и активистов партий и организаций, было в 1958–1962 гг. отстранено от участия в политике. Оно притаилось, не скрывая своего недовольства и пребывая в ожидании «отмашки» со стороны властей. Те, в свою очередь, выстраивали систему местного самоуправления под названием «основы демократии». Она должна была обеспечить подчинение общества государству, допуская лишь «конструктивную» критику его деятельности. Создав на основе нижнего звена «основ демократии» коллегию выборщиков, состоящую из 80 тыс. человек, поровну представляющих провинцию Западный Пакистан, сформированную по указу генерал-губернатора в 1955 г., и провинцию Восточный Пакистан (называвшуюся до принятия конституции Восточной Бенгалией), Айюб Хан использовал выборщиков для легитимизации своей власти [Белокреницкий, Москаленко, 2008, с. 213–214].

Принятая в 1962 г. парламентом, избранным голосами выборщиков, вторая конституция открывала для общества окно возможностей. Во-первых, она снимала запрет на политическую деятельность, наложенный на видных представителей политической элиты. Во-вторых, разрешала проявления недовольства. Этим воспользовались представители тех сил, которые чувствовали себя ущемленными светской, либеральной политикой государства, возглавляемого военной верхушкой и лично М. Айюб Ханом.

Нужно подчеркнуть, что руководимое ими государство попыталось реформировать некоторые стороны жизни общества, глубоко укорененные в его основе. Объявленная в 1959 г. аграрная реформа принесла хоть и скромные, но реальные результаты. От нее пострадали владельцы самых крупных земельных владений, вынужденные уступить часть своих земель и расстаться с привилегиями необлагаемого налогом владения (*джагиром*). Традиционные хозяева не только земли, но и обрабатывающих ее людей, отступили перед государством, проводившим в тогдашних международных условиях политику либеральной модернизации.

Психологическим ударом был и принятый в рамках отмеченного курса военными властями закон о запрете полигамии, ограничении возраста вступления женщин в брак (16 лет) и регулировании процедуры расторжения брака. Вторжение в семейную сферу

было делом весьма рискованным для государства и сыграло роль в росте охранительных происламских настроений.

ОБЩЕСТВО БЕРЕТ РЕВАНШ. РАСПАД И КОНСОЛИДАЦИЯ ГОСУДАРСТВА

Нет ничего удивительного в том, что как только государство позволило выражать оппозиционные настроения, они дали о себе знать. На состоявшихся в конце 1964 г. выборах в парламент и законодательные собрания провинций воссозданная Айюб Ханом партия «отца-основателя» Пакистана М.А. Джинны Мусульманская лига едва победила своих соперников, объединившихся в единый антиправительственный блок. Несмотря на это, политическую жизнь Пакистана в 1962–1965 гг. можно охарактеризовать как эпизод равновесия между государством и обществом. Оно было нарушено вследствие ошибки президента, который согласился с мнением своих советников и дал втянуть страну в вооруженный конфликт с Индией. Не углубляясь в детали второй кашмирской войны между соседями (август–сентябрь 1965 г.), отметим лишь, что существенную роль в судьбе государства сыграл не сам конфликт, а решение Вашингтона о прекращении военных поставок обеим сторонам и наказании Пакистана в виде лишения его обещанной финансовой помощи. В результате экономическое развитие Пакистана замедлилось, что вызвало брожение в обществе как на востоке, так и на западе страны.

Усилению общественного недовольства способствовал раскол правящей элиты. Ее ряды покинул министр иностранных дел молодой и энергичный З.А. Бхутто. Он не только перешел на сторону оппозиции, но и создал в 1967 г. левопопулистскую Пакистанскую народную партию, способствуя тому, что протесты приняли массовый уличный характер [Wolpert, 1993, p. 126–128].

Аналогичную роль в Восточном Пакистане сыграл Муджибур Рахман. В феврале 1966 г., через полгода после окончания войны и месяц с небольшим после подписания в Ташкенте при содействии СССР декларации о восстановлении мира между соседями по субконтиненту, он обнародовал программу из шести пунктов с требованием предоставить Восточному Пакистану полную региональную автономию вплоть до введения своей валюты и отдельных внешнеторговых счетов [Schendel van, 2020, p. 45–47].

Радикализация левой оппозиции режиму сопровождалась сплочением правой оппозиции, выступавшей под лозунгами защиты ислама от покушений со стороны либералов и атеистов. В конце 1968 г. с выступлений студентов в тогдашней временной столице городе Равалпинди начался политический кризис, который в марте следующего года привел к отказу Айюб Хана от властных полномочий и передаче их главнокомандующему армией генералу А.М. Яхья Хану. Тот совершил второй государственный переворот, заменив действующую конституцию военным законом (Martial Law).

Таким образом, общество в лице политического и массового его компонентов взяло реванш, вызвав, как впоследствии оказалось, не только затяжной кризис государства, но и его распад. Военное руководство, во главе которого встал генерал интендантской службы, сделало немало просчетов. Но фундаментальные, глубинные причины раскола страны на Пакистан в его нынешних границах и отдельное государство Бангладеш, безусловно, имелись. Рано или поздно они должны были сказаться.

Распад единого Пакистана в конце 1971 г. и возникновение во многом новой страны вызвали необходимость в ее государственной консолидации. Эту задачу взял на себя новый президент страны З.А. Бхутто, поставленный у власти 20 декабря 1971 г. большинством высших офицеров, отказавших в доверии Яхье Хану [Taseer, 1979, p. 129–130].

З.А. Бхутто являл собой олицетворение двух сил, государства и общества, борьба которых лежит в основе анализа в данной статье. В течение почти 10 лет, с 1958 по 1967 г., он

был государственным деятелем, министром в кабинете Айюб Хана, затем стал основателем оппозиционной партии и как таковой преследовался властями, сидел в тюрьме.

Правление Бхутто распадается на два эпизода, рубежом между которыми можно считать 1974 г. Вначале он действует как популист левого толка и пламенный патриот. Искключительно быстро ему удается утвердить новый Пакистан на международной арене, укрепить отношения со сверхдержавами (СССР и США), заключить мирное соглашение с Индией (в Симле в июле 1972 г.), занять место лидера в исламском мире, проведя в феврале 1974 г. в Лахоре второй саммит Организации Исламская конференция. Дипломатия и внутренняя политика при Бхутто в течение первых лет пребывания у власти была динамичной и весьма успешной. Ему удалось подготовить общественное мнение страны к признанию Народной Республики Бангладеш спустя всего два года после ее отделения. Он создал условия для разработки конституции и принятия ее в августе 1973 г. парламентом, состоящим из депутатов, победивших на выборах 1970 г. Принятая тогда третья конституция не президентского, а парламентского вида действует до сих пор.

Поменяв кресло президента на пост премьер-министра, З.А. Бхутто укрепил свое положение непререкаемого лидера, что, скорее всего, сыграло роковую роль в его дальнейшей судьбе. Созданная им Пакистанская народная партия, став правящей, оставалась партией своего лидера. Но внутри нее наметились острые разногласия между сторонниками левой, в том числе маоистской, идеологии и представителями того круга лиц, к которым по происхождению принадлежал Бхутто – крупными землевладельцами из Синда и южного Панджаба.

Именно последние с 1974 г. стали определять линию партии и кабинета министров. На смену популярной в массах политике национализации крупнейших промышленных предприятий, банков и страховых компаний, реформы аграрных отношений, систем образования и здравоохранения пришел курс, устраивающий социально привилегированные группы населения. Государство отбило атаку со стороны оппозиционно настроенного общества и предприняло ряд шагов, по большей части лишь имитирующих программу социального реформирования.

Деление периода правления Бхутто на два фрагмента условно. И в первые годы его политика отличалась двойственностью – обращенность к массам сочеталась с главной миссией консолидации государства и борьбы с поползновениями к новому его распаду. В начале 1973 г. центр инициировал дело о сепаратизме на западе и северо-западе страны, в Белуджистане и Северо-Западной пограничной провинции. Первоначальная терпимость друг к другу левопопулистских ПНП и Национальной народной партии во главе с лидерами пуштунского (А. Вали Хан) и белуджского (Х.Б. Бизенджо, А. Менгал) этнонациональных движений сменилась враждой. Бхутто обвинил вчерашних партнеров в государственной измене и через год предал их суду специально учрежденного трибунала, заседания которого проходили в синдском городе Хайдерабад [Белокреницкий, Москаленко, 2008, с. 268–270; Noman, 1988, p. 119–121].

Развернувшаяся вслед за тем вооруженная борьба ряда крупных племен Белуджистана (марри, менгал) против правительственных войск, введенных в провинцию, растянулась на три года и была кровопролитной [Ali, 1983, p. 119–121]. Война усилила политические позиции армии и подготовила почву для третьего военного переворота.

МИЛИТАРИЗОВАННОЕ ГОСУДАРСТВО И ИСЛАМИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

Узурпации власти военными во главе с начальником штаба армии³ генералом М. Зия уль-Хаком предшествовал острый политический кризис, охвативший страну после парла-

³ Должность главнокомандующего видами войск упразднил президент Бхутто в 1972 г., и руководить армией (сухопутными силами), ВВС и ВМС стали начальники штабов.

ментских выборов марта 1977 г. Партия премьер-министра одержала на них уверенную победу, но оппозиционный блок партий не признал итоги выборов и развернул широкую кампанию гражданского неповиновения. Общество, политизацией которого усиленно занимался правящий режим, отказало ему в доверии и поддержало объединенную оппозицию, главную силу которой составляли правоконсервативные религиозные партии. Власть оказалась парализованной с марта до июля 1977 г., и хотя выход из тупика был, как будто, в конце концов найден, армия решила вмешаться в события. После довольно замысловатых маневров Зия уль-Хак привел дело к окончательному устранению Бхутто от власти, преданию его суду и к казни через повешение.

Установившийся на следующие 11 лет милитаризованный режим управления страной отличался двумя чертами – политикой исламизации общества и неолиберальным экономическим курсом. Консолидации государства способствовало то, что Зия уль-Хак вывел войска из Белуджистана и распустил Хайдерабадский трибунал. Начало междоусобной войны в соседнем Афганистане, ввод туда контингента советских войск продлили жизнь пакистанскому режиму, и привели, в частности, к усилению позиций пуштунской политической и военной элиты [Talbot, 2012, p. 133–134].

Господство государства над обществом при военном диктаторе оказалось более плотным, но определенные свободы сохранились, хотя и облеклись в «исламские одежды» [Jalal, 2014, p. 216–258]. Использование исламских норм и представлений служило оправданием захвата власти военными и происходило в обстановке поднимающейся в мире исламской волны. Конец 1970-х гг. можно считать переломным в послевоенной истории, поскольку именно к тому времени левая (марксистская в своей основе) альтернативная идейно-политическая парадигма в международных отношениях сменилась правой, окрашенной на Ближнем и Среднем Востоке в религиозные, исламские тона⁴.

Пакистанское общество при Зия уль-Хаке (1977–1988) претерпело возврат к архаике. До этого в стране сохранялся небольшой, но заметный слой синкретической культуры. Представители среднего класса в крупных городах еще могли отдавать своих детей в школы йоги, учить дочерей индийским танцам и т. п. Политика исламизации сделала это невозможным, в обиход, под жестким давлением государства, вошло соблюдение строгих исламских правил и обычаев, жизнь по шариату [Kurin, 1993; Qadeer, 2006, p. 166–179].

Архаизация не была повторением пройденного, отличалась «изобретением традиций» и применением современных технических средств коммуникации, пропаганды и образования. Вместе с тем, архаичные, укорененные в традиционной культуре нравы и обычаи реально меняли общество. Исламизация более всего отражалась на средних городских слоях и в первую очередь касалась женщин. Для них неотрадиционализм имел непосредственное значение, сделав обязательной приличествующую мусульманке одежду. Выходя из дома, они надевали, если не *чадру*, скрывающую от мужчин всю их фигуру, то *хиджаб* (накидку для головы) или *никаб* (головной убор с отверстиями для глаз) [Qadeer, 2006, p. 169].

Такого рода архаизация наступила не сразу и была распространена не повсеместно. Большие города еще долгое время продолжали жить привычной жизнью, но число женщин на улицах, и до того существенно уступавшее количеству мужчин, уменьшилось еще больше. Неотрадиционализм при правлении Зия-уль-Хака проявил себя практически во всех областях общественной жизни. Наиболее существенно он отразился на судебной системе, где были учреждены шариатские суды. В судебной практике, помимо правовых норм, введенных англичанами, стали применяться исламские законы наказания (*хууд*),

⁴ Сходные хронологические рамки, хотя и несколько иные по основанию (глобализация, постиндустриальная стадия), см.: [Труевцев, 2020, с. 31–32, 110].

разбора и урегулирования уголовных дел (*кисас* и *дийят*). Согласно принятому тогда закону о свидетельстве, показание женщины приравнивалось к половине мужского [Talbot, 1998, p. 276–277].

В экономической области в первые же годы правления М. Зия-уль-Хака были введены исламские налоги, *закат* и *ушр*, и выстроена система использования государством средств, полученных от этих обязательных для состоятельных мусульман «благотворительных налогов». Что касается политической сферы, то парламентские выборы сначала откладывались на неопределенный срок, а в 1985 г. были проведены на непартийной основе.

Исходя из факта проведения выборов, весь период правления военных распадается на два эпизода – прямой диктатуры в 1977–1985 гг. и косвенной, при которой военные осуществляли контроль над действиями гражданского правительства. В конце мая 1988 г. Зия-уль-Хак объявил о прекращении полномочий правительства, пользовавшегося доверием избранного в 1985 г. парламента, распустил сам парламент, вновь введя прямое военное правление. Оно, впрочем, просуществовало недолго, лишь до гибели диктатора в авиакатастрофе 17 августа того года.

ИСЛАМИЗИРОВАННОЕ ОБЩЕСТВО И БЕССИЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Политика исламизации имела немалый успех благодаря подготовленности к ней страны. Нужно учитывать, что сельская экономика переживала переход от экстенсивного ведения хозяйства к интенсивному, отчасти механизированному. Как следствие, возрос поток мигрантов из деревень в города и за границу. Рост потребностей населения в материальных благах сопровождался его стремлением компенсировать такой сдвиг усилением морально-этических основ, которые имели прочные религиозные корни.

Неолиберальный экономический курс опирался на резко возросшую, вследствие войны в Афганистане, финансовую и материально-техническую помощь США, всего западного сообщества, а также богатых доходами от нефти Саудовской Аравии и аравийских эмиратов. Высокими темпами развивающаяся в 1980-х гг. экономика и многократный рост переводов от пакистанцев, работающих за границей, породили бум ожиданий и вызвали конкуренцию, усилившую трения внутри исламизированного и полиэтнического общества.

Особенно острые формы приняла вражда между радикально настроенными суннитами и шиитами, а также между мухаджирами и синдхами в Карачи, к которой добавилось противостояние этих этнических групп переселяющимся в крупнейший город-порт пуштунам и панджабцам. Государство при этом оказалось по большей части бессильным обуздать охвативший общество разгул убийств, уличных перестрелок и мародерств. Гибель Зия-уль-Хака, последовавшая спустя две недели после убийства неофициального главы пакистанских шиитов Х. аль-Хусейни, последователя духовного лидера Ирана Р. Хомейни, можно считать прологом к развернувшимся в 1990-х гг. актам насилия.

В центр ожесточенной подпольной войны между суннитами и шиитами превратился Панджаб. Отметим в качестве примера, что, возмущенные бессилием властей предотвратить взрывы в шиитских мечетях и на кладбищах, тысячи жителей столицы провинции Лахора в январе 1998 г. перекрыли центральные улицы города и устроили там погромы и поджоги [Pakistan Political, 1998, p. 20–23].

Помимо Панджаба, ареной суннито-шиитских столкновений стал Карачи. В организации терактов обвинялись суннитские организации *Сипахи-и сахаба* и *Лаишкар-и-Джангви* и шиитские *Техрик-и-джафарийа* и *Сипахи-Мухаммад*. Руководители этих групп отрицали свою причастность, требуя от правительства разыскать виновных. Однако раскрываемость

преступлений на сектантской почве была наименьшей среди других видов преступлений [Белокреницкий, Москаленко, 2008, с. 394–395].

На протяжении всего десятилетия Карачи, крупнейший город Пакистана, сотрясали конфликты. Сначала наиболее острыми были межэтнические стычки, а также междоусобные разборки среди говорящих на урду мухаджиров. В город не раз вводились армейские подразделения и полувоенные формирования, но надолго навести порядок не удавалось.

Бессилие государства лишь немного уменьшилось после очередного, четвертого по счету, военного переворота осенью 1999 г. Ему предшествовала попытка премьер-министра Наваза Шарифа утвердить личную, персоналистскую власть. Смещение Шарифа военными и начало их 8-летнего правления ознаменовалось обострением ситуации по периметру границ страны от Афганистана до Индии. Глава военного режима генерал П. Мушарраф старался следовать примеру Айюб Хана, а не Зия-уль-Хака, но считался с исламизированностью общества. Поддержав США в их усилиях свергнуть власть талибов в Афганистане, после того как они допустили присутствие на своей территории Аль-Каиды, виновницы смертоносной атаки на США 11 сентября 2001 г., генерал навлек на себя ярость исламистов, организовавших серию терактов, едва не стоивших ему жизни.

Не вызывает поэтому удивления, что борьба с исламистским терроризмом долгое время оставалась насущной задачей пакистанского государства. Перемещение на пакистанскую территорию из Афганистана основных сил террористической организации Талибан, облегчило появление в населенной пуштунскими племенами горной полосе боевых отрядов местных экстремистов. Война с ними правительственных войск началась уже в 2003 г. и продолжалась с перерывами более 10 лет. Наиболее острым был период с 2009 по 2011 г. Осенью 2009 г. боевики заняли горный округ Сват и соседний Бунер, находящийся всего в 100 км от столицы Пакистана Исламабада. Армия к тому времени находилась уже в подчинении гражданского правительства, пришедшего к власти по итогам выборов 2008 г. Общество некоторое время колебалось в своем отношении к местным талибам, надеясь на их обещания проводить на подконтрольной им территории умеренный исламистский курс. Но после срыва исламистами договоренностей поддержало решимость военного и гражданского руководства начать наступательные действия против боевиков.

Их силам был нанесен существенный урон в 2011–2015 гг., в результате военных кампаний, проведенных пакистанской армией, а также акций США по ликвидации укрывшегося в Пакистане главы Аль-Каиды У. бен Ладена и лидеров пакистанского движения Талибан [Чекризова, 2016, с. 220–224]. Пакистанская армия потеряла в ходе боев свыше 30 тыс. военнослужащих, жизни миллионов людей оказались затронуты боевыми действиями.

ЗАВИСИМОЕ ГОСУДАРСТВО И РАЗМЫТОЕ ОБЩЕСТВО

Пакистанское государство на протяжении всей своей истории было в высокой степени зависимым от внешних сил в экономической и политической сферах. На последних этапах развития – с 1999 по 2008 г., когда у руля стояли военные и в дальнейшем, когда им на смену пришли гражданские правительства победивших на выборах партий (2008–2013 и 2013–2018 гг.) – зависимость от иностранных доноров только возрастала, а эффективность использования полученных от них средств снижалась (подр. см.: [Pakistan. Moving, 2015, р. 48–83; Экономический рост, 2020, с. 121–138]). Не стал исключением и текущий этап пребывания у власти кабинета министров одержавшей победу на выборах летом 2018 г. партии Пакистанское движение за справедливость (ПДС). Пакистану в том же году пришлось обратиться за экстренной помощью к ОАЭ и Саудовской Аравии. Позднее финансовая помощь поступила и от другого «всепогодного друга», КНР. Зависимость от дружественных

государств помогла выйти из тяжелого кризиса, но не решила острых валютно-финансовых проблем. Правительство было вынуждено обратиться за помощью к МВФ. В 2019 г. Фонд предоставил очередной (в 22-й раз за время существования страны) заем в 6 млрд долл. США (далее – долл.) на три года. Переговоры по выделению полугодовых его порций проходят трудно. МВФ и Всемирный банк требуют проведения структурных реформ с целью улучшения условий для ведения бизнеса, приватизации, сокращения бюджетного дефицита и т. п.

Государству при нынешнем кабинете во главе с лидером ПДС Имраном Ханом удалось избежать дефолта и увеличить золотовалютные резервы, но громадный дефицит торгового баланса (23 млрд долл. при импорте в 42 млрд долл.) сохранился и по итогам 2021 г. Прирост ВВП почти на 4% нужно оценивать с учетом сокращения этого показателя в предшествующем году [*Pakistan Economic*, 2021, p. 3–4, 14]. В целом глубокая зависимость от внешних источников финансирования остается кардинальной чертой пакистанской экономики. Ее развитие чаще всего характеризуют термином стагфляция (стагнация + инфляция), отмечая отсутствие прогресса в экспортном секторе.

Несмотря на безусловный материальный прогресс, достигнутый Пакистаном, как и большинством других стран мира, не менее трети населения остается за чертой бедности, а основная масса далеко отстает по уровню жизни от элиты. Собираемость налогов, при этом, как и норма внутренних сбережений, – одни из самых низких в мире [Каменев, 2019, с. 263; Zaidi, 2011, p. 294–297].

Если государство предстает зависимым, то общество – размытым, разделенным на плохо связанные между собой сегменты. По мере распространения товарных и денежных отношений, распалась, по мнению социологов, сельская община, господствовавшая в земледельческих ареалах [Qadeer, 2006, p. 115–137, 273–274]. В Панджабе община держалась на бартерном обмене товарами и услугами под названием *сейпи* с подчиненной ролью неземледельцев (ремесленников и так называемых «слуг общины»). С экономической точки зрения сейпи аналогична системе *джаджмани* в ареале индуистской культуры [Алаев, 2019, с. 295–298].

Распад общины сопровождался ростом городов и сельских городов (руралополисов) – поселений с высокой плотностью населения, но отсутствием городской инфраструктуры и городского самоуправления. Рурурбанизация получила в основных земледельческих регионах – Панджабской равнине, долине р. Кабул, Синдской низменности – значительное распространение и заметно преобразила сельско-городской социум. Внутри него выделяют три сегмента: (а) современный, регулируемый государством, (б) традиционный, мало ему подконтрольный и (в) нелегальный, противоправный и уходящий от уплаты налогов [Qadeer, 2006, p. 92–108]. Последний сегмент имеет крупные масштабы. Полагают, что сфера незаконного бизнеса, с учетом ввоза и реализации контрабанды, оборота наркотиков и т. п., по стоимости приближается к 30–40% ВВП страны. Более того, пакистанский криминальный бизнес тесно контактирует с мировым, играя в нем не последнюю роль [*Khanani group*, 2017].

В культурно-социальном плане общество распадается на три другие сегмента – умеренно преобразованный городской ислам; традиционный ислам, сохраняющий свои исконные формы по-преимуществу в глухих сельских районах, и сферу исламистской активности. Наиболее четко различия между сегментами проявляются в социальных ролях женщин (см. [Iqtidar, 2011]).

Многообразная сегментность, расплывчатость общества усилилась благодаря возросшей подвижности быстрорастущего населения. Наряду с увеличением внутренней миграции, традиционно связанной по-преимуществу с заключением брака, стремительно вырос выезд

пакистанцев за рубеж. На первых порах, в 1970–1980-х гг., преобладала трудовая миграция в богатые нефтью страны Аравии и Персидского залива. Видное место затем занял отъезд представителей средних слоев для получения образования и в поисках работы, причем не только в мусульманские страны, но и в Европу, главным образом в Англию, а также в США и Канаду. Ввиду отсутствия статистического учета, масштабы диаспоры можно оценить лишь приблизительно. По сведениям, собранным пакистанскими экономистами, в 2004 г. за рубежом находилось 4 млн их соотечественников, а в 2012 г. – уже 7 млн [*Pakistan. Moving*, 2015, p. 291]. Экстраполируя тренд, получаем цифру в 12–13 млн. на сегодняшний день.

О внешней миграции свидетельствует перевод валюты из-за границы. Если в 1980-х гг. он составлял примерно 3 млрд долл. в год, затем – более 5 млрд долл., то, по последним данным, приблизился к 25 млрд долл. [*Pakistan Economic*, 2021, p. 14]. И это без учета почти такого же количества средств, переправляемых по неофициальным каналам и в виде товаров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, во взаимодействии государства и общества в Пакистане выделяются несколько качелеобразных циклов. Последний из них охватывает первые десятилетия нынешнего века. Бессилие государства перед лицом исламистского терроризма было, казалось, в основном преодолено в середине второго десятилетия. В то же время зависимость государства от внешних факторов постоянно усиливалась. Столь же выраженной представляется возросшая размытость общества по причине ослабления традиционных норм и обычаев, открытости границ и перетекания через них людей, товаров, денег и капиталов.

Глубокий кризис и ликвидация военного режима в 2007–2008 гг. не избавили государство от господства армии. Контроль над ситуацией в стране остался в руках генералитета. Военные смогли подорвать позиции премьер-министра Н. Шарифа, чья партия победила на выборах 2013 г., и, фактически отстранив его от власти, помогли добиться успеха на выборах 2018 г. партии ПДС. Правящий ныне тандем высших военных и гражданских бюрократов олицетворяет авторитарный, военизированный режим, господствующий над рыхлым, глубоко исламизированным обществом. Последние годы отмечены растущим произволом властей, наступлением на гражданские права и свободы, закрытием либеральных средств массовой информации, подавлением оппозиционных сил на западных и северо-западных окраинах. Вместе с тем, государство оказывается бессильным перед организациями консервативно-исламского толка, нарушающими своими массовыми акциями (перекрытием городских улиц и транспортных путей) повседневную жизнь людей и наносящими ущерб экономике страны.

В 2021 г. страна оказалась перед лицом серьезной внешней угрозы, вызванной победой талибов в Афганистане. С одной стороны, Пакистан рискует стать «козлом отпущения», поскольку на него легко можно свалить вину за провально проведенный США эпилог 20-летнего пребывания их войск в Афганистане, а с другой, он может быть втянут в новый водоворот исламистского экстремизма и терроризма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

Алаев Л.Б. *Проблематика истории Востока*. М.: Ленанд, 2019 [*Alayev L.B. Problems of the History of the East*. Moscow: Lenand, 2019 (in Russian)].

Белокреницкий В.Я. Государство и общество на Востоке и Западе. Заметки на полях книги Д. Аджемоглу и Дж.А. Робинсона «Узкий коридор. Государства, общества и судьба свободы». *Вестник*

Института востоковедения РАН. 2021. № 2 (16). С. 12–19 [Belokrenitsky V.Y. State and Society in the East and West. Notes about the Book by D. Acemoglu and J.A. Robinson. The Narrow Corridor: States, Societies and the Fate of Liberty. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2021. No. 2 (16). Pp. 12–19 (in Russian)].

Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. *История Пакистана. XX век*. М.: Крафт+, 2008 [Belokrenitsky V.Y., Moskalenko V.N. *History of Pakistan ehe 20th Century*. Moscow: Kraft+, 2008 (in Russian)].

Васильев Л.С. *Всеобщая история. Восток и Запад в средние века*. Т. 2. М.: Высшая школа, 2007 [Vasiliev L.S. *General History East and West in the Middle Ages*. Vol. 2. Moscow: Vysshaya shkola, 2007 (in Russian)].

Васильев Л.С. *Всеобщая история*. В 6 тт. М.: КДУ, 2012 [Vasiliev L.S. *General History*. 6 vols. Moscow: KDU, 2012 (in Russian)].

Каменев С.Н. *История экономических процессов в Пакистане (XX – начало XXI в.)*. М.: ИВ РАН, 2019 [Kamenev S.N. *History of Economic Processes in Pakistan (the 20th – beginning of the 21st Century)*. Moscow: IOS RAS, 2019 (in Russian)].

Левин С.Ф. *Формирование крупной буржуазии Пакистана*. М.: Наука, 1970 [Levin S.F. *Formation of Big Bourgeoisie of Pakistan*. Moscow: Nauka, 1970 (in Russian)].

Наумкин В.В. Модель Не-Запада: существует ли государство-цивилизация? *Полис. Политические исследования*. 2020. № 4. С. 78–93 [Naumkin V.V. Non-West Model: Does the Civilization-State Exist? *Polis. Political Studies*. 2020. No. 4. Pp. 78–93 (in Russian)].

Пакистан. Справочник. Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М.: Наука, 1966 [Pakistan. A Reference Book. Ed. Y.V. Gankovsky. Moscow: Nauka, 1966 (in Russian)].

Труевцев К.М. *Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности*. М.: ИВ РАН, 2020 [Truevtsev K.M. *Globalization and the Arab World before and after Two Waves of Turbulence*. Moscow: IOS RAS, 2020 (in Russian)].

Чекризова О.П. *Исламский радикализм и экстремизм в Пакистане в конце XX – начале XXI в.* М.: ИВ РАН, 2016 [Chekrizova O.P. *Islamic Radicalism and Extremism in Pakistan in the End of the 20th – beginning of the 21st Century*. Moscow: IOS RAS, 2016 (in Russian)].

Экономический рост в странах Востока. Книга 1. Отв. ред. И.В. Дерюгина. М.: ИВ РАН, 2020 [Economic Growth in the Countries of the East. Book 1. Ed. I.V. Deryugina. Moscow: IOS RAS, 2016 (in Russian)].

Ali T. *Can Pakistan Survive?* Harmondsworth: Penguin Books, 1983.

Cheema P.I. *Pakistan's Defense Policy, 1947–1958*. London, 1990.

Jalal A. *The Struggle for Pakistan*. Cambridge (Mass): Harvard University Press, 2014.

Khanani group launders billions of dollars: US Report. <https://www.dawn.com/news/1318333/Dawn>, March 4, 2017 (accessed: 04.03. 2017).

Kurin R. Islamization in Pakistan: The Sayyid and the Dancer. *Russia's Muslim Frontiers*. Bloomington: Indiana University Press, 1993.

Noman O. *Pakistan. Political and Economic History*. London: Kegan Paul, 1988.

Pakistan Economic Survey 2000–21. Islamabad, 2021. http://www.finance.gov.pk/survey/economic_indicators/pdf.

Pakistan. Moving the Economy Forward. Ed. R. Amjad and S.H. Burki. Delhi: Cambridge University Press, 2015.

Pakistan Political Perspective. Islamabad: Institute of Policy Studies. Vol. VIII. February, 1998.

Qadeer M.A. *Pakistan. Social and cultural transformation in a Muslim nation*. London: Routledge, 2006.

Schendel van W. *A History of Bangladesh*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.

Talbot I. *Pakistan. A Modern History*. New York: St. Martin's Press, 1998.

Talbot I. *Pakistan. A New History*. Karachi: Oxford University Press, 2012.

Taseer S. *Bhutto: a Political Biography*. London: Ithaca Press, 1979.

Wolpert S. *Zulfi Bhutto of Pakistan. His Life and Times*. New York: Oxford University Press, 1993.

Zaidi S.A. *Issues in Pakistan Economy*. 2nd Edition. Karachi: Oxford University Press, 2011.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БЕЛОКРЕНИЦКИЙ Вячеслав Яковлевич –
профессор, д.и.н., к.э.н., зав. Центром
изучения стран Ближнего и Среднего Востока
Института востоковедения РАН, Москва,
Россия.

Vyacheslav Y. BELOKRENITSKY, Professor,
DSc. (History), PhD (Economics), Head of the
Centre for the Study of Near and Middle East
Countries, Institute of Oriental Studies, RAS,
Moscow, Russia.